

горцев по-разному: от сходства оценок, принятия реалий быта и подражания костюмам до отторжения Оленина от жизни казаков. У И.А. Бунина Кавказ – место радости и любви. Следовательно, по мере знакомства с жизнью Кавказа происходит движение по шкале чужое-свое в направлении своего. Подчеркнем, что на всех этапах всеми героями Кавказ воспринимался с уважением и стремлением постичь его быт и нравы. В повести А.И. Приставкина герои проходят сложный путь от традиционного восхищения природой Кавказа, восприятия его как воплощения мечты, земли обетованной через вражду, страх к пониманию необходимости уважать чужие обычаи и традиции, потому что будущее – за братским движением вперед. В рассматриваемой схеме координат это выглядит примерно так: чужое – чуждое – свое.

Мы отдаем себе отчет в том, что наши наблюдения неполны и в большой мере пунктирны, поскольку Кавказ занял достойное место в русской литературе, однако путь концептуализации Кавказа прослеживается довольно четко. Изучение темы Кавказа в лингвокультурологическом освоении ее русской культурой еще ждет своего исследователя.

Поступила в редакцию 11.11.2002

КОНЦЕПТ «ВОИН» В ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА

У.А. Карпенко

Киевский национальный университет им. Т. Г. Шевченко

В статье анализируется отражение концепта «воин» в русской культурно-языковой традиции на материале поэтического творчества А. С. Пушкина, делаются выводы о мифологизации «воина» под влиянием фольклорно-мифологического мышления, также делается предположение о возможности заимствования концепта из одной языковой культуры в другую, как понятие «джигит» было заимствовано в русский культурный фон.

Ключевые слова: концепт, воин

У статті аналізується віддзеркалення концепту “воїн” у російській мовно-культурній традиції на матеріалі поетичної творчості О. С. Пушкіна, робляться висновки про мифологізацію “воїна” під впливом фольклорно - мифологічного світосприйняття, також робиться припущення про можливість запозичення концепту однієї мовної культури в іншу, як це сталося із поняттям “джигіт”, що його було внесено до російського культурного фону.

Ключові слова: концепт, воїн

In the present article we analyze the phenomena of the Concept and the reflection of the concept the “warrior” in the Russian Cultural Tradition, in the poetic legacy of A. S. Pushkin. As a conclusion we suggest, that the vision of the “warrior” owes much to the folkloristic and mythological perception of the world, and also we suggest an idea, that the concept may be borrowed from one culture to another as it was with the concept of “gighit”, borrowed into the Russian culture.

Key words: concept, warrior

В когнитивной лингвистике концепт – это термин, служащий объяснению единиц ментальных или психологических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*) всей картины мира, отраженной в человеческой психике [1, с.90].

Ю.С. Степанов считает, что концептом может быть далеко не всякое понятие, а лишь то, что несет культурную информацию: это «сгусток культуры в сознании человека, и ...то, в виде чего культура входит в мир человека, и ...то, посредством чего человек ... сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [2,40]. Иными словами, «концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [2, с.41].

Цель данной статьи – рассмотреть отражение концепта «воин» русской культурно-языковой традиции в поэтическом творчестве А. С. Пушкина – основоположника и реформатора русского литературного языка.

Обратимся к этимологии слова, репрезентирующего данный концепт. Воин – общеславянское, производное – с помощью суффикса -инь- от вои - «воин» (ср. образованные от него же

война, войско). Воин – от корня *voj- «погоня», «отряд преследователей», что в словах воин (с суффиксом единичности -ин-), военный (с суффиксом прилагательного -енн-). Этот корень восходит к индоевропейскому * uei- (* ueia) «гнаться»> viti «преследовать». Ср. в древнеиндийском veti «преследует, гонит»; латинское venari «охотиться, гнаться» древнегерманское weida «охота». Следовательно, война – первоначально «состояние погони за неприятелем», «преследование»> «состояние прямой вражды между племенами».

Обратимся к толковым словарям. Воин – (мн. Воины и вои), стар. воинственникъ, воинникъ, запад.воякъ; служащий в войске, военный солдат, ратай, ратник. (Иду на вои воевати. Один в поле не воин. Такое воин, что сидит, да воеет) // Воинами, в отечественную войну нашу, называлось особое ополчение, набранное из одних удельных имений Вел. княгини Екатерины Павловны. Воеватель, воитель, воительница, воевник, ратный, воин на деле, сражавшийся, Предводитель; // правитель, охочий до брани, воинственный, возбуждающий войну (В. И. Даль).

Воин – высок. Тот, кто несёт военную службу, сражается с врагом, воюет, боец, солдат. Воин –высок.

Приступая к анализу некоторых поэтических примеров, оговорим, что А. С. Пушкин, описывая кавказского воина-джигита, смотрит на него глазами носителя русской языковой картины мира, описывает его средствами русского языка, что отображает русское видение воина-кавказца. Однако, великий поэт очень точно передаёт инокультурные явления, иногда становясь на позицию человека-носителя той культуры, которую он описывает.

Таким образом, возможно говорить о наличии явления заимствования концепта из одной культуры в другую, и развитие его в сознании носителей другой языковой культуры. Так концепт «Кавказ» прочно вошёл в сознание носителей русской языковой картины мира, о чём говорит Л. П. Иванова. Концепт «Кавказ» осваивался, превносился посредством творчества Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, И. А. Бунина и постепенно передвигался от полюса «чужого» к полюсу «своего».

В анализируемых нами примерах прослеживается освоение заимствованного из кавказского мировидения концепта «джигит» и освоение его в русской картине мира на базе концептогнезда с концептосоставляющей «воин». Рассмотрим внешность и атрибуты воина.

Он любовался красотой Одежды бранной и простой. Черкес оружием обвешан;

Он им гордится, им утешен; На нём броня, пицаль, колчан, Кубанский лук, кинжал, аркан

И шапка, вечная подруга Его трудов, его досуга (Кавказский пленник)

Одежда воина характеризуется как красивая и простая. Истинному воину не свойственна маскарадность, тяжёлые доспехи и прочее, сковывающее его движения. Оружия у него, однако много (оружием обвешен). Оружие приносит воину моральное удовлетворение как в делах военных, так и мирных (подруга ...трудов и досуга). Это его постоянный атрибут (вечная подруга).

Постоянное присутствие того или иного атрибута прочно связано с сутью героя – как постоянный эпитет, прозвище или имя. Ср. палку-battochio, которую носит с собой Арлекин и представляется как Arlecchino Battocchio в итальянском театре масок Commedia dell'Arte.

Оружие олицетворяется, образ в составе метафоры шапки – «подруга». Традиция олицетворения оружия, восприятия его как живого идёт от верований в чудесное оружие, как предмет иного мира, исходящий от предков. Волшебный меч герой сказки получает из иного мира, данный мифологический мотив ярко прослеживается также и в героическом эпосе, ср. обращение Роланда к мечу Дюрандалю (меч даже имел своё имя!) или короля Артура, который единственный смог извлечь меч из камня, поскольку последний предназначался именно ему. Таким образом, атрибуты воина мифологизируются, соотносятся с верованиями в волшебный предмет, помогающий герою одолеть врага.

И путник, брошенный ко дну, Глотает мутную волну, Изнемогая, смерти просит

И зрит её перед собой... Но мощный конь его стрелой На берег пенистый выносит (Кавказский пленник)

В приведённом микротексте актуализируется мифологическая информация о волшебном помощнике – коне. Герой даже не именуется воином, он уже ушёл из своего состояния воителя, свойственного ему в этом мире, он находится в некоем пограничном состоянии между миров, он «зрит смерть перед собой», то есть переходит в иной мир, однако конь, как волшебный помощник, выносит его. Более того, в данном примере конь выступает в своей функции перевозчика, поскольку переправляет героя из одного мира в другой, границей между которыми является река, вода (берег пенистый).

*В глазах потупленных кручина; На нём одежда славянина И на бедре славянский меч.
Славян вот очи голубые, Вот их и волосы золотые, Волнами падающие до плеч...
Косматым рубищем одетый. Огнём живительным согретый (Вадим)*

Вне зависимости от национальной принадлежности воина, облик его соотносится с мифологическими представлениями. Как атрибут воина присутствует меч, свойства которого как волшебного предмета отмечались выше. Интересной подробностью является «косматое рубище». С одной стороны, это историко-реалистическая деталь времён, когда воины одевались в шкуры. С другой стороны, лохматая шкура соотносима с обрядом волхования (ср. этимологию лохматый, волохатый, волхв), во время которого посвящённый, шаман переодевался в звериную шкуру, что считалось либо его превращением в тотемное животное, либо проглатывание его этим животным, помещением человека в животное – в любом случае целью обряда была отправка в иной мир для получения необходимых знаний или умений от предков. Таким образом, в данном микротексте воин выглядит как некто, обладающий сверхъестественной силой, кому открыт иной мир.

Воин в состоянии воинственных действий.

*И вдруг пред ними на коне Черкес. Он быстро на аркане Младого пленника влчил.
«Вот русский», – хищник возопил (Кавказский пленник)*

Воин прямо называется хищником, что соотносит его с диким животным. В данном случае соотнесение с животным, очевидно, имеет весьма опосредованное отношение к верованиям в превращение человека в зверя. Противопоставление поверженного воина – «младого пленника» его врагу подчёркивает «хищность» всадника, которая является характеристикой поведения, но не фольклорных представлений о воине. Особая коннотация воли, воли животного, не связанного социальными рамками существа, особо важна в составе заимствованного концепта «воин-джигит», поскольку джигит не связан регулярной армией, он волен, как звери, и война для него, скорее, охота, чем идейная борьба. А к «зверю на охоте» не испытывают ненависти как к врагу на войне, – подчёркивает Л. П. Иванова. Следовательно, «джигит» отличается от «воина» своей волей, несвязанностью с армией.

*Казак усталый задремал, Склонясь на копий стальное. Не спи, казак; во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой (Кавказский пленник)*

Два воина, задремавший и подкрадывающийся, находятся в составе оппозиции «враг-нападающий» или «враг-защищающий». Разделяет их река, являющаяся в мифологических представлениях границей миров. Таким образом, реальная, административная граница метафоризируется как рубеж миров и вражда представителей этих миров, следовательно, выглядит как противостояние двух разных «светов, царств», света этого и света того, примирение, уподобление которых невозможно.

Собирательное представление воина.

*И злобась видит Карл могучий Уж не расстроенные тучи Несчастных нарвских беглецов,
А нить полков блестящих, стройных, Послушных, быстрых и спокойных, И ряд незыблемых
штыков (Полтава)*

При анализе данного примера могут возникнуть возражения о том, что «концепт – это слово», а здесь «воин» словом не назван. Отметим, что этот и небольшое количество некоторых других микротекстов с имплицитным выражением анализируемых концептов, приводится в подтверждение наметившихся тенденций из предыдущих примеров.

Итак, из приведённого отрывка следует, что организованное войско вызывает не страх, а злобу сильного(могучего). Свойствами хорошо организованного войска выступает послушание, скорость и спокойствие в то время как расстроенное скопище воинов сравнивается с тучей, явлением природы, которая стихийно гонится ветром, воспринимается как беглец.

Неизменным атрибутом воина и в данном тексте выступает оружие (штыки), в определении которых косвенно прослеживается оттенок олицетворения или же наделение их особой силой, исходящей от них самих, а не от воина – (незыблемые), статичные, непреклонные.

*Прошло сто лет – и что ж осталось От сильных, гордых сих мужей, Столь полных волею
страстей? Их поколение миновалось – И с ним исчез кровавый след Усилий, бедствий и побед
(Полтава)*

Сильное воинство представляется ушедшим в прошлое. Время пребывания этих воинов в активном состоянии исчисляется фольклорно-сказочной категорией времени – «сто лет». Общность эта выступает как нечто, связанное родственными узами (поколение), что соотносимо с древним понятием «дружина», которое анализировалось выше.

Эпитеты «сильный, гордый» соотносят этих древних воинов с мифологическими героями, богатырями с недюженной силой, сражавшимися в одиночку (ср. этимологию «гордый» от отгораживающийся от других). Общность их представляется как чем-то неделимым, действующим единым порывом за всех, это отражено в постфиксе -ся возвратного глагола «миновалось», более привычной формой которого является невозвратный залог.

Таким образом, нарушение узуса подчёркивает способность действовать одним общим порывом, движением (ср. Миновалось, т.е. что-то одно, действие возвратное, возвращающееся на него же).

Следовательно, общность воинов видится как единая, неделимая, могучая, жаждущая битв и страстей, однако отошедшая в прошлое, в полусказочное бытие, отделённое от реального существования временной дистанцией «сто лет».

Анализ приведённых текстов показал, что воин вне зависимости от его национально-культурной принадлежности в сознании русского автора – носителя русской языковой картины мира мифологизируется. Актуализируются знания об оружии как о волшебном предмете, коне как волшебном помощнике. Соотношение враждующих сторон видится как противопоставление двух миров – этого и того, разделённых рекой-границей. Общность воинов выглядит как нечто единое. Однако не стоит выделять мифологическую сему в восприятии воина как доминирующую. Понимание воина полностью соответствует этимологии (воин реализуется в ситуации войны), а также определениям, приведённым в толковых словарях.

Другим наблюдением является то, что концепт может *заимствоваться* одной культурой из другой, одной языковой картиной мира из другой и ассимилироваться на подготовленной почве. Так в русскую языковую картину мира был заимствован концепт и слово, его выражающее, – «джигит», который осел на периферии концепта «воин», сохранив свою национальную специфику (например, воля джигита, которой нет у русского солдата, подчиняющегося регулярной армии).

Литература:

1. Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997.

Поступила в редакцию 19.12.2002

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ПАТЕНТНЫХ ФОРМУЛ

Т. Г. Клепикова

Севастопольский национальный технический университет

Статья посвящена переводу одного из важных коммуникативных блоков патентного описания – патентной формулы, которая определяет объем и сущность изобретения и устанавливает права патентовладельца. Все патентные формулы могут быть разделены на 2 группы. Описана структура патентной формулы и даны рекомендации по переводу патентных формул.

Ключевые слова: перевод, патентная формула, логическая, функциональная, коммуникативная цель

Стаття присвячена перекладу одного із важливих комунікативних блоків патентного опису – патентної формули, яка визначає об'єм і сутність винаходу і встановлює об'єм прав патентовласника. Всі патентні формули можуть бути розподілені на 2 групи. Описана структура патентної формули і дані рекомендації по перекладу патентних формул.

Ключові слова: патентна формула, переклад, логічна, функціональна, комунікативна мета

The article is devoted to translating one of the most important communicative blocks of patent specification – patent claims, which determine spirit and scope of invention and define the limits of the assignee rights. All patent claims can be divided into two groups. Structure of patent claims is described and recommendation on translation of patent claims are given.

Key words: translation, patent claims, communicative purpose, structure, logical, functional

Работа с англоязычными патентными описаниями представляет определенную сложность, особенно для начинающих переводчиков. Сложность объясняется принадлежностью патентных описаний к периферийно-пограничному жанру и, соответственно, наложением двух функциональных стилей; изменением дисциплинарного знания [1,с.197], введением новых концептов и терминов; коммуникативными задачами текста, а также строгой регламентацией его изложения.